

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ
результаты социологического исследования

**«Потенциал мотивированной конфликтности
молодежи Алтайского края»**

(II этап исследования)

Барнаул – 2025

Характеристика основных параметров II этапа исследования

Целью второго этапа исследования выступало выявление мотивов и факторов, влияющих на рост мотивированной конфликтности молодежи.

В качестве метода сбора информации выступали фокус-групповые интервью со следующими категориями респондентов:

- учащиеся 11 класса общеобразовательных организаций г. Барнаула;
- учащиеся профессиональных образовательных организаций г. Барнаула и г. Бийска;
- студенты образовательных организаций высшего образования г. Барнаула и г. Бийска.

Общее количество участников составило 50 человек (по 10 человек в каждой группе).

Сценарий фокус-групповых обсуждений был направлен на решение следующих исследовательских задач:

1. Выявление причин удовлетворенности/неудовлетворенности учащейся молодежи жизнью в крае, факторов формирования у нее миграционных установок;
2. Изучение факторов формирования и усиления напряженности в межнациональных отношениях среди молодежи;
3. Определение потенциальных участников межнациональных столкновений среди учащейся молодежи;
4. Выявление эффективных методов снижения межнациональной напряженности в молодежной среде;
5. Определение мотивов и факторов динамики отношения молодежи к СВО и мобилизации;
6. Определение протестного потенциала молодежи в контексте СВО.

Результаты фокус-групповых интервью

1. Причины удовлетворенности/неудовлетворенности учащейся молодежи жизнью в крае, факторы формирования у нее миграционных установок

Фокус-группы 2025 г. показали рост дифференциации молодежи по степени удовлетворенности уровнем и условиями жизни в крае. Во-первых, проявилось размежевание между молодежью Барнаула, которая почти поровну делится на удовлетворенных и неудовлетворенных, и молодежью Бийска, в основном недовольной условиями жизни в городе (более 80% участников фокус-групп). Во-вторых, на степень удовлетворенности сильно влияет статус молодого человека в учебном заведении (активист/не активист) или его доступ к информации о различных программах и возможностях для молодежи. Так, активисты и «информированные», получившие какие-то «блага» (поездки, участие в форумах, бесплатный отдых, стажировки и т.д.) более удовлетворены своим положением, чем остальные респонденты (*«многие хотят что-то, но ничего для этого не делают. Не видят возможностей, так как не активны», «все в наших руках», «плохо живут те, кто или не использует возможности, или сидит на месте». «Если быть активным и знаешь, где себя применить, возможности такие есть»*). При этом интересно, что в Бийске данный фактор тоже работает на рост неудовлетворенности, т.к. дает возможность сравнивать ситуацию в городе с другими территориями.

В качестве факторов и причин удовлетворенности условиями жизни в крае молодые люди называли низкие притязания (*«меня пока все устраивает»*), сравнение прошлого и настоящего (*«сейчас в Барнауле стало лучше, дороги ремонтируют, появились парки», «стало больше возможностей для молодежи», «есть интересные проекты, фестивали, например, в IT»*), расширение рынка труда для молодежи, когда есть возможность работать и позволять себе многие вещи (*«есть работа, значит могу реализоваться»*), хороший уровень вузовского образования.

Наибольший уровень удовлетворенности продемонстрировали студенты вузов и ссузов, школьники Барнаула, которые переехали в него из малых городов и сел края, аналогичных населенных пунктов других регионов или стран. Они воспринимают Барнаул уже как расширение возможностей по сравнению с прежним местом жительства (*«стало лучше», «в Барнауле больше возможностей по сравнению с другими территориями края»*).

В качестве главной причины неудовлетворенности во всех фокус-группах, включая школьников, согласованно отмечалось увеличение разрыва

«роста зарплат и роста цен». При этом фокус-группы подтвердили выявленный массовым опросом эффект адаптации части молодежи к социально-экономическим проблемам (цены, дорогое жилье) за счет сохранения тесной связи с семьей или увеличения трудовой занятости. Однако последняя стратегия актуализирует другие проблемы:

– проблемы трудоустройства (*«не хотят брать на работу из-за отсутствия опыта», «существуют стереотипы об инфантильности молодежи», «так как нет опыта, приходится работать за маленькие деньги, поэтому или берешь больше работы, или на жизнь все равно не хватает», «работы не хватает»*);

– совмещения работы и учебы (*«хочешь жить, умей вертеться», «не вся работа подходит из-за учебы»*);

– транспортную (*«высокие цены на проезд», «не успеваем на учебу», «сложно с учебы добраться до работы, потому что в центре студентам мало платят», «невозможно уехать вечером после занятий»*).

Также участники фокус-групп согласованно выделяли жилищную проблему (*«высокие цены», «не все хотят сдавать жилье студентам», «зарплата низкая, не понятно, как на нее снимать квартиру или купить ее»*), проблемы качества медицинского обслуживания, блокировки мессенджеров и навязывания Мах. Некоторых респондентов, особенно школьников, беспокоят проблемы мусора и экологии.

Кроме того, в ходе дискуссий был обозначен ряд проблем, актуальных для отдельных групп молодежи:

– студенты медицинского университета и ссузов особо выразили недовольство вопросом обязательной отработки, подчеркнув массовый характер этого недовольства, – неопределенностью кого она коснется, какой будет механизм направления, условия в месте отработки и в целом, невозможностью в связи с этим планировать свою дальнейшую жизнь или нарушением запланированных жизненных стратегий;

– стабильный, но обостряющийся, характер носят проблемы школьников: качества школьного образования (*«в школах не хватает учителей, поэтому уровень образования снижается», «в школе есть бесполезные, не практические уроки», «в школе к ЕГЭ не готовят, поэтому очень дорого подготовиться к ЕГЭ», «школа дает общие слова, а практически ты должен сам развиваться».* «нам рассказываю одно, а в реальности другое»), удорожания подготовки к поступлению (из-за проблем школьного образования *«появилось много недобросовестных репетиторов, которые берут большие деньги, но ничего не дают»*), выбора профессии (*«в 11-м классе нас заставляют выбирать профессию, а мы даже не знаем о будущем», «в школах в основном рассказывают о рабочих профессиях, а не о вузах»*), проблемы поступления,

первую очередь, на бюджетные места, т.к. в этом году школьники прямо говорили об отсутствии возможности оплачивать обучение и жилье на этот период («мало бюджетных мест», «платное обучение дорого, и жилье дорогое»), что актуализирует для них проблемы льготников и несправедливости («мы учимся, а поступают льготники»).

– очень много локальных проблем, в том числе обуславливающих массовое распространение установки на миграцию, обозначили студенты вузов и ссузов Бийска. Кроме общих социально-экономических проблем («высокие цены, инфраструктуры и дорог нет», «дорогое жилье и проезд», «дорого снимать жилье», «нет работы по профессии», «родители заставили поступить, а теперь, проблема найти работу», «низкая зарплата», «рост зарплат остановился, а цены растут»), студенты вузов отмечали заметный рост социального неравенства («у нас город контрастов – четко видно нищету и богатство»). Но наиболее обострившейся проблемой учащейся молодежи города стало отсутствие культурного досуга и досуговой инфраструктуры для реализации своих увлечений («у нас в городе слишком много клубов», «нет развлечений, кроме клубов и баров», «некуда пойти, кроме баров», «нет творческих студий, лепки там, рисования...», «нужны развлекательные парки, кружки»). Данная проблемы поднималась и в предыдущие годы, но сейчас, с изменением поколения молодежи, она стала артикулироваться более четко и массово (100% участников ФГ в Бийске).

В целом следует отметить, что наиболее заметно как по сравнению с прошлым годом, так и на фоне других категорий учащейся молодежи вырос уровень неудовлетворенности студентов ссузов. Если в 2024 г. их удовлетворенность была связана с востребованностью на рынке труда и высокими заработными платами, то сейчас именно они чаще артикулируют тезис о снижении уровня жизни из-за роста цен, нехватки работы, указывают на наличие проблем с жильем, особенно для приезжих, транспортную проблему. Отличаясь более практичным мировосприятием, ссузовцы больше рефлексиируют о своем будущем, которое теперь им представляется не таким оптимистичным, как год назад, хотя и процент оптимистов («возможности есть, главное – хотеть и работать») среди них остается высоким.

Также при прогнозировании динамики недовольства учащейся молодежи нужно учитывать, что большинство из них на данный момент не задумывается о семье и будущем, они живут сегодняшним днем, а на нынешние потребности им хватает («Тут не знаешь, что завтра будет, а как дальше загадывать»). Но, как показывают более прагматично мыслящие ссузовцы или проективные школьники, по мере взросления этого поколения, роста его озабоченности

семьями, уровень недовольства молодежи, если сохранится текущая ситуация, будет расти, потому что количество альтернатив сузится.

В условиях ухудшения социально-экономической ситуации и прагматизации сознания молодежи, фокус-группы, в отличие от массового опроса, выявили дальнейшее снижение готовности всех категорий молодых людей, даже школьников, к отъезду из края.

Аргументами в пользу такого решения выступили:

– стремление сохранить текущий уровень жизни, хоть минимальные имеющиеся признаки комфортного состояния, страх перед неопределенностью и издержками в случае переезда (*«нужна стабильность»*, *«сначала здесь устроюсь, а потом будет видно»*, *«встану на ноги в Барнауле, а потом уеду, чтобы развиваться»*, *«если уезжать, то нужно все начинать заново, искать новые связи»*, *«не хочу начинать с нуля»*);

– этим же объясняются апелляции к родственным связям, стремлению быть ближе к своей семье (*«у меня здесь родители»*, *«семья держит»*, *«край – родной, поэтому не хочу уезжать»*) и психологическое принятие стратегии выживания, как в Бийске (*«живем и ладно, справляемся»*);

– сравнение ситуации в крае с другими регионами (*«проблемы Алтайского края не сильно отличаются от других регионов»*, *«везде все одинаково, поэтому нет смысла что-то менять»*);

– для переехавших в Барнаул из сел и малых городов края, а в Бийск – из сел – удовлетворенность своим текущим положением и неготовность вновь нести издержки от переезда (*«все познается в сравнении»*);

– наличие работы (*«есть работа, поэтому не уезжаю»*);

– наличие в крае качественного высшего образования, стремление получить профессию с наименьшими издержками (*«не всегда нужно уезжать, и здесь есть сильные вузы»*, *«там платное обучение дорого, и жилье дорогое»*);

– боязнь больших городов (*«спокойный город»*).

Миграционные настроения на данный момент больше характерны для молодежи из сельской местности и Бийска, горизонт миграции – Барнаул, в крайнем случае Новосибирск (*«в нем лучше, и он близко»*). Сельская молодежь также рассматривает вариант Бийска. Некоторые респонденты из Барнаула, допускающие вариант миграции из края, обозначили ее направление очень прагматично и выразили общий тренд – *«поедем туда, где будет возможность построить жизнь»*.

Соответственно, причины миграции в 2025 г. более конкретизировались и чаще стали описывать потенциально возможную, а не текущую ситуацию (*«если не будет...»*):

В качестве социально-экономических причин миграции респонденты называли:

– низкие зарплаты и отсутствие работы для молодежи, особенно в малых городах и селах, малый разрыв зарплат и цен («чтобы можно было жить», «в Новосибирске (Петербурге) зарплаты выше, а цены на жилье и остальное такие же»);

– отсутствие работы по специальности (Барнаул и Бийск);

– отсутствие карьерных перспектив (Барнаул и Бийск);

– отсутствие инфраструктуры (Бийск).

К образовательным и культурно-досуговым причинам относятся:

– узость спектра образовательных направлений (Барнаул, Бийск);

– низкий уровень образования (Бийск);

– отсутствие интересного досуга (Бийск).

Только единичные ответы касались популярных ранее «стремления к новизне» и «к самореализации».

Интересны позиция школьников, которые стали более четко, чем раньше связывать свою миграцию с результатами экзаменов («все зависит, как сдам ЕГЭ») и наличием дополнительных ресурсов в месте переезда (жилья, родственников), а также более спокойное отношение молодежи к возвращению в край («не получится в другом месте, вернусь сюда»).

2. Факторы формирования и усиления напряженности в межнациональных отношениях среди молодежи

В первую очередь следует отметить, что при оценке состояния межнациональных отношений в молодежной среде участники всех фокус-групп были не только солидарны в ответах, но и фактически повторили мнения респондентов 2023 и 2024 гг.

Как и прошлые годы, большинство участников фокус-групп однозначно зафиксировали присутствие в крае напряженности в межнациональных отношениях. Особенно она очевидна для школьников Барнаула и респондентов из Бийска. В то же время, в 2025 г. реже отмечалось наличие негативного опыта межнациональных взаимодействий (студенты вузов Барнаула в основном упоминали негативный опыт проживания в общежитиях с индусами, китайцами; случаи негативной коммуникации с таджиками, тувинцами; студенты ссузов Бийска – драки с алтайцами, часть которых общаются только на своем языке, негативный опыт коммуникации с цыганами). Большинство студентов ссузов и школ Барнаула лично не сталкивалось с негативом со стороны других этносов. В Бийске в целом снизился негатив к тувинцам и

алтайцам, что, скорее всего, связано со сокращением их численности и, как следствие, интенсивности коммуникаций.

В качестве причин межнациональной напряженности респонденты назвали:

– несовпадение обычаев и традиций местного населения и приезжих, в том числе бытовых привычек (*«разница культур», «разница менталитета», «в общежитиях бывают конфликты из-за мусора, грязи, из-за того, что не убирают за собой»* – вузы, Барнаул);

– психологические особенности некоторых этносов (*«эмоций много», «темперамент»*);

– языковой барьер;

– навязывание приезжими своих обычаев и традиций, религии (*«подчеркивали превосходство ислама, пытались убедить принять ислам», «мигранты со своим уставом»*);

– маргинальность, *«низкий образовательный и культурный уровень мигрантов»* – эта причина впервые прозвучала в этом году, но упоминалась во всех фокус-группах (*«много приезжих из сел, малых городов, у них мало воспитания, образования, поэтому ведут себя плохо», «мигранты приезжают малообразованные, более традиционные и пытаются перенести свой уклад»*). При этом заметно смягчение отношения к мигрантам, попытка поставить себя на их место: *«мигранты едут не от хорошей жизни, они разные. Есть мигранты, которые будут самоутверждаться, а есть те, кто приезжает, потому что не может по-другому, у них нет выхода, поэтому они вряд ли будут создавать проблемы, потому что им некуда больше деваться», «мигранты вынуждены идти на плохую работу, отсюда отношение к ним», «они приезжают в край, потому что нет учебы, работы у них»*;

– хамское поведение по отношению к девушкам (мигранты из Средней Азии – все группы, азербайджанцы в Бийске) (*«на Родине у них строгие обычаи, родители, а здесь свобода, считают, что все можно», «у них там мужчины делают, что хотят, а женщина ничего сказать не может, думают, и тут также»*);

– наличие у русских настороженности, предубеждений, стереотипов о других этносах (например, девушки в Барнауле говорили о своей настороженности по отношению к африканцам, студентам из стран Азии и мигрантам из Средней Азии, а девушки из Бийска – о боязни мигрантов из Средней Азии и цыган, *«у населения есть негативный образ мигрантов», «переносят разовые случаи негатива на весь этнос», «русские часто считают Россию страной для русских»*). Интересно, что этот фактор в 2025 г. упоминался также часто, как факторы разницы культур и языкового барьера;

- влияние семьи, воспитания (*«молодежь может копировать поведение старших в межнациональных отношениях», «мамки-националисты»*);
- буллинг в школах (*«в школе есть травля детей других национальностей, но с возрастом это проходит»*);
- освещение в СМИ негативных действий представителей других этносов, влияние пропаганды (*«в СМИ всегда подчеркивается национальность Средней Азии», «люди легко внушаемы»*);
- низкая степень удовлетворенности уровнем жизни у местного населения, которая порождает агрессию к «другим»;
- действия русских националистов (Барнаул – ВРЗ, Восточный; Бийск);
- конкуренция на рынке труда (вузы, Барнаул), зачисление мигрантов на бюджетные места (ссузы, Бийск).
- степень концентрации мигрантов, цыган в конкретном населенном пункте или части города (район Витамин в Бийске);
- эпизодически упоминались криминальные действия мигрантов (мошенничество).

Особое внимание в ходе фокус-групп, учитывая многолетние результаты массовых опросов, было уделено причинам негативного отношения к цыганам. И здесь выявились принципиальные отличия Барнаула и Бийска. В Барнауле ни в одной из фокус-групп цыгане самостоятельно не назывались респондентами как объект напряженности, а причины негатива к ним связывались в первую очередь со стереотипами и издержками воспитания (*«есть стереотипы, которые подтверждаются», «их такими показывают даже в детских мультиках, сказках», «даже новые термины от них – инфоцыгане», «родовое клеймо», «родители в детстве часто пугали», «из-за информации из СМИ»*). Хотя упоминались и их участие в торговле наркотиками, детское воровство и попрошайничество. Студенты ссузов Бийска, напротив, говорили о цыганах как о реальной и серьезной проблеме, приводя конкретные примеры: криминальность района Витамин, попрошайничество на вокзале, вывод денег с карт и т.д.

При этом, как и ранее, все участники фокус-групп подчеркивали, что *«нет плохих этносов, а есть плохие люди»*. Межнациональная напряженность возникает не вследствие предубежденности к каким-либо этносам в целом, а как реакция на неадекватное, агрессивное поведение отдельных личностей и больше проявляется на межличностном уровне.

С другой стороны, во всех фокус-группах консолидировано признавалось, что межнациональная напряженность и интолерантность формируется в крае на основе внешних различий, размежевания «похожий– непохожий». Это подтверждали русские респонденты, приехавшие из

Казахстана, приводя примеры из своего опыта и опыта студентов – этнических казахов. Также четко прослеживается дифференциация отношения к иностранцам из ближнего и дальнего зарубежья.

Вместе с тем, при ответе на вопрос о вероятности межнациональных столкновений в Алтайском крае все опрошенные согласованно заявили о маловероятности в крае масштабных межнациональных столкновений («у нас русскоязычный регион», из-за малочисленности мигрантов в городах края и сельской местности, отсутствия интенсивной коммуникации с мигрантами у большинства жителей Барнаула).

Однако также единодушно студенты и школьники признали высокую вероятность межличностных конфликтов (драк, словесных перепалок), отягощенных национальным фактором, которые возникают и будут возникать спонтанно, локально, как индивидуальная реакция их участников на индивидуальное поведение представителей других этносов. Повод для таких конфликтов может быть любой: бытовой (например, в общежитиях вузов), агрессия или открытая ненависть со стороны представителей неславянских этносов и ответ на нее, их некорректное поведение, в том числе по отношению к женщинам, и пр.

3. Потенциальные участники межнациональных столкновений среди учащейся молодежи

Большинство участников фокус-групп, как и 2023–2024 гг., согласны с точкой зрения, что нельзя говорить об этносах в целом как сторонах межнациональной напряженности или столкновений. И хотя они по-прежнему чаще всего называли поводами для конфликта поведение представителей «других» этносов, которое будет провоцировать ответ со стороны местного населения, значительное число респондентов в 2025 г. также указало на способность местного населения инициировать конфликтные ситуации.

Большая последовательность школьников и студентов в характеристике межнациональных конфликтов как межличностных привела к снижению числа названных ими этносов – вероятных участников межнациональных столкновений («это могут быть представители любого этноса»), сместив фокус их внимания на возраст участников.

В качестве этносов – более вероятных объектов или участников конфликтов в 2025 г. были названы следующие:

– студенты вузов Барнаула называли индусов, китайцев, африканцев из-за их бытовых привычек, таджиков, тувинцев;

– студенты ссузов и школьники Барнаула – *«молодых мигрантов из стран СНГ»*, т.к. *«те, кто выросли здесь, они уже адаптированы»*;

– студенты вузов Бийска – выходцев из Средней Азии (таджиков), цыган, азербайджанцев;

– студенты ссузов Бийска – цыган, алтайцев.

В качестве наиболее вероятных участников межнациональных столкновений со стороны местного населения абсолютное большинство респондентов назвали *«людей постарше»*, *«старший возраст»*, т.к. они *«помнят про прежние конфликты»*, у них есть *«обида на распад СССР»*, *«не привыкли видеть мигрантов»*, часто *«ищут, кого обвинить»* в своих проблемах, *«агрессивны, цепляются»*.

Молодежь, напротив, характеризовалась как наименее возможный участник конфликтов из-за ее *«большей толерантности»* и опыта межнационального общения, опасений за свою безопасность (*«чтобы не получить самим»*, *«чтобы не наказали за это»*), эмпатичности (*«не готова проявлять насилие по отношению к другому»*), общего стремления избегать конфликтных ситуаций (*«все пытаемся решить словами»*, *«мы больше хотим мира»*, *«если национальность неприятна, можно просто с ней не общаться, зачем тогда влезать в конфликт»*).

Вместе с тем, во всех категориях учащейся молодежи, особенно среди школьников и жителей Бийска, не исключалась вероятность молодежи выступить инициаторами межнациональных конфликтов, которые потом могут масштабироваться за счет вмешательства взрослых (*«мамки-националисты»*, школы, Барнаул). В качестве аргументов данной позиции приводились: *«вспыльчивость, активность»* молодых людей (вузы, Барнаул), наличие среди них членов и сторонников националистических группировок (ссузы, Барнаул; вузы, Бийск), влияние возраста, темперамента (*«задираются»*, *«старшие – более разумные»*), в частности при посещении мест досуга, (вузы и ссузы, Бийск).

В отличие от 2024 г., лишь некоторые студенты ссузов Бийска указали равную вероятность участия в межнациональных конфликтах представителей всех возрастных категорий (*«любой возраст»*).

4. Эффективные методы снижения межнациональной напряженности в молодежной среде

Все перечисленные участниками методы снижения межнациональной напряженности можно разделить на 2 большие группы.

1. Культурно-просветительские мероприятия по формированию толерантности и развитию межнационального диалога:

– создание клубов и других молодежных организаций, проведение форумов русских и иностранных студентов, представителей разных этносов в образовательных учреждениях (способствуют *«открытию другого как человека»*, *«для сплочения этносов»*);

– профилактика буллинга в школах и воспитание толерантности: *«уроки толерантности в школах с рассказами о других культурах, а не только про свою Родину»*, *«рассказывать про другие страны не в истории, а в отдельных дисциплинах»*, проведение классных часов с *«рассказами о традициях других в ссузах, школах»* для разрушения стереотипов;

– проведение акций и праздников типа *«Дня народного единства несколько раз в год»*, других мероприятий по знакомству населения с культурой других народов (и в образовательных учреждениях), развитие культурного обмена;

– фестивали национальных кухонь;

– разработка и проведение игр про традиции разных народов;

– развитие практики реализации общих проектов полиэтническими командами;

– языковые курсы, организация *«обучения мигрантов обычаям и законам России»*;

– реализация курсов по изучению культуры России для иностранных студентов;

– развитие системы воспитания толерантности в семьях.

2. Правовые, силовые, контрольные методы:

– *«заставить законы работать»*;

– *«подавление силовых (уличных) столкновений»*;

– мониторинг межнациональной обстановки;

– изменение экзаменов для мигрантов (*«сделать экзамен более реальным»*, *«углубить тесты, чтобы сложнее было просто заучить ответы»*, *«нужно проверять знание языка и психологические тесты»*), повтор тестов и экзаменов для мигрантов через определенное время, ужесточение правил их въезда и нахождения на территории РФ, контроль за перемещением мигрантов,

– привлечение диаспор для контроля за поведением мигрантов;

– *«правовой запрет на высказывание национальных претензий»*;

– пресечение буллинга по этническому признаку в школах.

В целом, можно выделить несколько тенденций этого года по данному вопросу:

– во-первых, в представлениях молодежи культурно-просветительские меры снижения межнациональной напряженности явно доминируют над ограничительно-силовыми и считаются более эффективными. Силовые методы рассматриваются как крайние (*«если обычаи не мешают другим, то их не нужно подавлять»*), *«подавление ничего не решит»*), на случай драк и уличных столкновений;

– во-вторых, большое значение стало придаваться не только просвещению мигрантов, но и воспитанию толерантности у местного населения. Фактически межнациональная напряженность рассматривается молодежью как двусторонний процесс;

– как и в 2024 г., сторонников ограничительно-запретительных мер больше среди юношей, чем среди девушек.

5. Мотивы и факторы отношения молодежи к СВО и мобилизации

Фокус-группы подтвердили выявленное в ходе массового опроса абсолютное доминирование установки молодежи на скорейшее завершение СВО.

В качестве аргументов данной позиции учащаяся молодежь приводила:

– усталость от длительности СВО и связанной с ней тревожности и неопределенности (*«очень затянулось»*, *«для меня это тревожная тема, хочется, чтобы все закончилось»* *«ничего не меняется ни в переговорах, ни в ситуации»*);

– рост ощущения бессмысленности СВО (*«не понятно, зачем эта война»*, *«Это же не Великая отечественная война»*, *«много смертей, но ничего не добились»*, *«война ради войны»*);

– большое количество убитых и покалеченных, ужас от потерь (*«люди не должны умирать»*, *«очень высокая цена»*, *«война – это плохо, гибель людей»*). Показательно, что почти каждое высказывание по данному вопросу начиналось с упоминания раненых или погибших знакомых, родственников, а также впервые проявилось формирование в массовом сознании убежденности в высокой вероятности невозврата воюющих домой живыми (*«раненые возвращаются снова туда, поэтому мы не знаем, что с ним будет дальше»*).

Эти аргументы явно доминировали в 2025 г.

– оторванность власти от общества (*«это спор двух политиков»*, *«война братских стран»*, *«народ не может повлиять на окончание СВО, люди – пешки»*)

– рост проблем и несправедливости, связанных с СВО (отключение интернета и мобильной связи, блокировка мессенджеров, *«почему привилегии»*)

детям СВОшников», «мы учимся, а поступают льготники», «очень много ограничений, Россия стала не такой теплой»)

Интересно отметить, что фокус-группы выявили большую роль в формировании и усилении антимилитаристских настроений у учащейся молодежи встреч с участниками СВО, проводимых в школах и ссузах. В ходе них школьники и студенты сталкиваются с *«кошмаром войны»*, которую старательно избегают в повседневной жизни, начинают четче осознавать реалии боевых действий, в результате чего их страхи и ужас резко усиливаются. Такую же роль играют примеры воюющих родственников, которых воспринимают скорее не как героя, а как объект переживаний, который *«нужно спасти любой ценой»*.

На этом фоне трансформировалось отношение молодежи к способам завершения СВО. Если в 2024 г. она делилась по этому вопросу на сторонников переговоров и военных действий для победы, то в этом году абсолютное большинство составили сторонники переговоров, которые, в свою очередь, дифференцировались по видению их результатов *«мир любой ценой»*, *«мир, но так, чтобы мы не очень много потеряли»* и *«мир, но не любой ценой»*.

Сторонники первой позиции исходят из гуманистического принципа *«жизнь – самая главная ценность»* и рационального расчета *«у нас страна большая и столько собственных объектов для вложения, что новых территорий нам не нужно»*, представлены девушками-студентами вузов и школьницами Барнаула, значительной частью обеих гендерных групп студентов ссузов Барнаула, отдельные студенты из Бийска.

Вторую позицию озвучивают часть студентов ссузов Барнаула, студентов Бийска. Третья объединяет несколько точек зрения: *«это не должны быть унижительные переговоры»*, *«чтобы уже наши территории не отдать»*, нужно получить репарации, которые пойдут на развитие новых территорий, – чаще встречается среди юношей Барнаула всех категорий учащейся молодежи, студентов из Бийска.

Сторонники продолжения военных действий более четко выражены среди юношей – школьников и студентов ссузов, но составляют явное меньшинство.

Соответственно, меняются и сценарии поведения юношей в случае новой волны мобилизации. Если в 2024 г. почти все студенты вузов и ссузов отрицали сценарий уклонения, то в 2025 г. он стал доминирующим.

Кроме него, среди отдельных студентов вузов Барнаула присутствует некоторая доля жертвенности – *«пойду»*, *«... могу пожертвовать собой, пожертвовать всем, но чтобы это закончилось»*.

Высокая степень рациональности студентов ссузов заставляет их рассматривать уход на СВО в случае мобилизации, как более выгодный вариант, дающий привилегии, если стратегию уклонения не удастся реализовать без последствий (*«большой риск, это противозаконно», «все равно найдут», «зато потом в вуз поступлю»*). Здесь частично проявляется сочетание фатализма и утилитаризма прошлых лет – *«какой смысл сопротивляться, все равно посадят и отправят туда. А так можно продать себя подороже»*.

У школьников встречаются обе позиции.

Присутствующие в прошлом году апелляции к чувству вины перед погибшими друзьями и родственниками в этом году не озвучивались вообще. Наиболее четко позицию юношей на данный момент характеризует высказывание одного из респондентов – *«все зависит от обстоятельств»*.

Девушки же всех категорий, как и раньше, готовы прятать своих родственников и молодых людей.

6. Протестный потенциал молодежи в контексте СВО

Учитывая выявленный массовым опросом низкий потенциал социально-экономического протеста и высокую степень беспокойства молодых людей в связи с проведением СВО, вопрос задавался о готовности студентов и школьников участвовать в акциях протеста, направленных на прекращение СВО.

Результаты фокус-группы подтвердили данные массового опроса о неготовности абсолютного большинства молодежи участвовать в акциях протеста насильственного характера. Главными аргументами здесь звучали: личная неприемлемость насилия, опасения за безопасность свою и близких, боязнь нарушить стабильность общественно-политической ситуации (*«качать лодку»*).

В ненасильственных акциях протеста, если это поможет остановить СВО и тем самым спасти родных, чаще готовы участвовать студенты вузов Барнаула, при этом юноши больше, чем девушки озабочены гарантией результата акции и страхом за будущую карьеру.

Большинство студентов ссузов и школьников, студентов Бийска прямо заявили о своей неготовности выходить на акции протеста или формулировали свою позицию как готовность, но при соблюдении целого списка условий, что фактически скрывает ту же неготовность к протесту.

Вместе с тем, фокус-группы подтвердили, что наличие серьезной угрозы близким остается значимым фактором активизации молодежного протеста.

Общие выводы и замечания:

1. В условиях продолжения СВО у учащейся молодежи еще больше сократился горизонт планирования и снизился уровень притязаний, в связи с этим проявилось стремление сохранить текущий уровень комфорта, сокращаются установки на миграцию, молодежь переключается на решение собственных проблем в месте текущего проживания.

2. Желание студенческой молодежи обеспечить себе приемлемый уровень жизни приводит к увеличению доли совмещающих учебу с работой, смещению акцента на трудовую деятельность, а также формирует серьезное психологическое напряжение – *«если ты работаешь, то у тебя нет времени больше ни на что, а, если не работаешь, то у тебя мало денег»*, которое становится значимым фактором неудовлетворенности молодежи.

3. Снижение миграционных установок учащейся молодежи связано как с ростом ее рациональности, так и с большим миграционным потоком в Барнаул молодых людей из сел и малых городов края, для которых этот переезд уже означает расширение возможностей при необходимости нивелирования издержек адаптации.

4. Учащаяся молодежь Алтайского края четко ощущает наличие межнациональной напряженности, которая периодически принимает форму межнациональных конфликтов и столкновений на межличностном, бытовом уровне. Базовыми факторами их возникновения выступают размежевание «похожие – непохожие» и дистанция общения. При этом фокус-группы выявили нелинейную зависимость: с одной стороны, чем больше у молодых людей положительных контактов с представителями других этносов, тем выше уровень их толерантности, с другой – чем дальше дистанция общения, тем меньше поводов для конфликтов и, соответственно, меньше напряженность.

5. Основными объектами недовольства в межнациональной коммуникации по-прежнему выступают представители народов Средней Азии. При этом новацией исследования 2025 г. стала высокая степень признания большой роли отношения и стереотипов местного населения в формировании межнациональной напряженности.

6. Наиболее эффективными средствами профилактики межнациональных конфликтов школьники и студенты назвали различные формы неформальной коммуникации, культурной и просветительской деятельности на локальном уровне: фестивали, совместные мероприятия, развитие системы воспитания толерантности среди местного населения, языковые курсы и просвещение мигрантов, а также совершенствование системы их тестирования. В отличие от 2024 г., большинство респондентов не поддержало силовые методы решения межнациональных проблем.

7. Участники фокус-групп, как и в 2024 г., согласованно поддержали позицию о необходимости прекращения СВО, однако продемонстрировали смещение взглядов на способы ее завершения в сторону антимилитаризма – «мир любой ценой, даже ценой потерь чего-то», «мир, но так, чтобы мы не очень много потеряли» и «мир, но не любой ценой».

8. Большинство юношей наиболее предпочтительной для себя считают стратегию избегания участия в СВО, но, в случае невозможности ее реализации, готовы выбрать призыв как более рациональную и выгодную альтернативу.

9. Высокая степень опасений молодежи за безопасность свою и своих близких, неверие в эффективность протестных акций минимизируют протестный потенциал студентов и школьников. Однако, при возникновении серьезной угрозы их близким и укреплении убежденности в возможности массовых акций остановить СВО, их готовность участвовать в акциях протеста может возрасти.

10. В целом, фокус-группы 2025 г. показали высокую степень консолидации ответов различных сегментов учащейся молодежи по большинству вопросов, а также преемственность части из них с результатами 2023 и 2024 гг.

11. Сформированные эпохой турбулентности у современной молодежи короткий горизонт планирования, гибкость, высокая рациональность и ситуативность выбора модели поведения, с одной стороны повышают ее адаптивность, а с другой – затрудняют прогнозирование ее действий в меняющейся ситуации.